

ОСТРОВСКИЙ В РУМЫНИИ

Обзор Г. С. Коробчинского

1

При жизни Островского ни одна его пьеса не была переведена на румынский язык.

Некоторые румынские писатели и деятели литературы владели русским языком, но в большинстве случаев читающая публика знакомилась с произведениями русских классиков во французских и немецких переводах. И только позднее они появлялись на румынском языке. Так было, например, с некоторыми повестями Гоголя, романами Тургенева, Толстого.

Официальная критика королевской Румынии ориентировала читателя и зрителя на легковесные комедии и слезливые мелодрамы, старалась отвлечь их внимание от реалистической драматургии, драматургии актуальных социальных проблем.

Румынский историк театра Иоан Масоф в обзоре репертуара румынских театров за 1900—1935 гг. приводит очень характерные цифры. В репертуаре румынских театров тех лет французская драматургия занимала более 30%, немецкая — 20%, русская — 1%. Правящие классы Румынии весьма подозрительно относились к творчеству прогрессивных русских писателей. Александру Одобеску в книге «Псеудокинегетикос» говорил: «Теперь у нас, когда кто-нибудь заговорит о славянах, будь это по вопросам литературы, филологии, истории, он сразу становится подозрителен и навлекает на себя беду»¹.

Но передовые деятели румынской культуры высоко ценили русскую классическую литературу вообще и драматургию в частности. В 1876 г. в газете «Курьерул де Яшь» выдающийся румынский поэт Михаил Эминеску выступил со статьей «Французская и русская комедия», в которой показал необходимость освобождения румынского театра от влияния упадочной западноевропейской литературы и движения его в сторону реализма и социальной тематики, свойственных русской драматургии. С большим уважением относился к прогрессивным традициям русской сцены известный румынский актер Матей Милло (1814—1896).

«Русский театр,— писал один из бухарестских театральных критиков,— не похож на тот, к которому привыкли мы, постоянные зрители французских бульварных пьес, в которых лучшие наши актеры издеваются над собой, воплощая на сцене буржуазный адюльтер и чувственные комбинации марионеток без души и без серьезных занятий»².

В сознании передовых представителей румынской интеллигенции устанавливается неразрывное единство между русской прогрессивной мыслью и русской художественной литературой. Постепенно это превращается в устойчивую традицию восприятия демократических элементов русской культуры.

В середине прошлого века, в годы зарождения румынского рабочего движения, усиливаются русско-румынские литературные связи. В рамках этого общего процесса происходит первое знакомство румынских читателей с произведениями великого русского драматурга.

В 1889 г. в первом номере журнала «Контемпоранул» («Современник»), боевого органа румынских революционных демократов, появился перевод драмы «Гроза»³. Перевод был осуществлен идейным вдохновителем журнала, пропагандистом марксизма в Румынии К. Доброджану-Герей (1855—1920).

Знаменательно, что первой пьесой Островского, переведенной на румынский язык, была именно «Гроза», пьеса, ярко отразившая неудовлетворенность социальными порядками царской России и стремление к свободе. Знаменательно также и то, что перевод появился в самом прогрессивном румынском органе XIX века — «Контемпоранул».

Журнал «Контемпоранул» (1881—1889) занимает видное место в румынской социалистической печати конца прошлого века. Удачное определение значения этого журнала в формировании революционного сознания румынских трудящихся дал румынский академик П. Константинеску-Яшь: «Современник» был вдохновителем журнала румынских социалистов «Контемпоранул», одолев ему заглавие и концепции борьбы»⁴. Общность обоих журналов была не только в названии, но и в содержании, и в идейной направленности. При этом «Контемпоранул» отражал особенности своей страны и своего времени.

В «Истории Румынии», изданной Академией наук СССР в 1971 г., об этом журнале говорится:

«Восприняв лучшие черты демократической литературы Румынии, «Контемпоранул» вместе с тем следовал традициям русского «Современника». Не случайно он широко пропагандировал передовую русскую литературу. Разоблачая идеалистическую концепцию общества «Жуниям», журнал утверждал принципы материалистической эстетики и ратовал за реалистическую литературу, тесно связанную с жизнью народа»⁵.

В журнале «Контемпоранул» публиковались переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Гаршина, Некрасова. Знакомство с произведениями русской литературы оказало большую помощь в формировании румынского реализма 80—90-х годов XIX столетия и позже, в борьбе, которую вели революционные демократы против общества «Жуниям» и его органа — журнала «Конворбирь литераре».

Переводчиком «Грозы», как уже сказано, был передовой деятель румынской культуры К. Доброджану-Геря.

Интересна характеристика, данная Герю корреспондентом «Славянского обозрения» еще в 1894 г.: «Геря — в своем роде румынский Белинский, Добролюбов, Писарев — по справедливости считается теперь первым румынским литературным критиком»⁶.

Горячий пропагандист марксизма в Румынии, Геря в конце своей жизни подпал под влияние реформистов из немецкой социал-демократической партии. Но в период «Контемпоранула» он принес большую пользу румынскому рабочему движению. Велика его роль в румынской литературной критике. В работах «О критике», «Художники-граждане», «О критике и литературе», «Личность и мораль в искусстве» он впервые в Румынии связал литературную критику с критикой буржуазных устоев общества, эстетические идеи с материалистическим истолкованием мира.

Доброджану-Геря боролся за коренное улучшение работы румынского театра. В статье «Национальный театр» он указывал, что из-за отсутствия достаточного количества оригинальных пьес румынский театр вынужден обращаться к переводному репертуару. Он видел основную причину неудовлетворительного состояния театрального дела в том, что во главе его поставлены не специалисты, а чиновники. Переводы пьес поручаются некомпетентным лицам. Геря выступает против пустых комедий и слезливых мелодрам, наводнивших румынскую сцену. «Мелодрамы — не художественные произведения», — писал он.

Румынская буржуазная критика резко отрицательно относилась к деятельности Гери и журнала «Контемпоранул».

Чтобы подчеркнуть естественность и органичность появления «Грозы» в «Контемпорануле», напомним, что журнал придавал большое значение проблеме женской эмансипации. Статьи по этому вопросу писала румынская публицистка София Надежде, показавшая рабское положение женщины в капиталистическом обществе. Судьба Катерины в «Грозе» как бы иллюстрировала публицистические идеи Софии Надежде.

Отметим, что за несколько лет до появления перевода «Грозы» в «Контемпорануле» была напечатана пьеса одного из его редакторов Морцуна — «Штефан Худич», в которой также поднимался вопрос о раскрепощении женщины. Можно, однако, предполагать, что Морцун был знаком с содержанием драмы Островского: идейно-тематическое влияние «Грозы» на пьесу «Штефан Худич» так же ощутимо, как и влияние статьи Добролюбова «Луч света в темном царстве» на рецензию К. Доброджану-Гери об этой пьесе.

Сейчас трудно судить, какое впечатление произвел первый перевод «Грозы» на румынских читателей. Известна только небольшая рецензия в журнале «Вяца ромыняскэ» (1911, № 8, подписанная буквой «Е.»).

«Эта драма, — писал рецензент, — печальное изображение дел в классе русского купечества. Это драма в высшей степени русская, особенно хорошо понятная тем, кто жил среди русских, видел близко классовые особенности соседней империи и знал остатки варварского деспотизма и темноты, господствующие среди купечества.

Кто-то рассказывал мне, что такое жизнь для женщины из купечества. Растет ребенок в страхе перед отцом, варваром и тираном, который ругает и избивает его за малейшую провинность; не знает радости детства, невинных удовольствий на солнце, на свежем воздухе; за высоким забором, в тени, растет и увядает и <...> стремится к запретным развлечениям <...>

Эти обычаи, суровые правила жизни, невежество и суеверия создают глухую стену вокруг купечества. В темной крепости женщина мечется, несчастная, безжалостно подавленная.

Против такого положения вещей восстает Островский в своих драмах. <...> «Гроза» хорошо переведена, но без объяснений для нашей публики мало интересна...»

Рецензент, как видно, правильно понял идейное содержание «Грозы» и был знаком с другими произведениями Островского. Слова «темная крепость», которыми он характеризует жизнь купечества, близки к «темному царству» Добролюбова. Можно согласиться и с замечанием, что для читателей того времени не мешало дать некоторые объяснения к переводу.

Интерес румынской критики к творчеству Островского не ослабевает и в дальнейшем. На второй странице газеты «Сяра» («Вечер») 9 августа 1911 г. была опубликована статья «Островский — величайший русский драматург», подписанная «В.»⁷.

Русская классическая драматургия, в том числе и драматургия Островского, в практике румынских авторов была опорой в борьбе за реализм; она способствовала формированию цельной системы передовых идей и взглядов на театр и его социальные функции, взглядов, которые нашли свое воплощение в творчестве И. Л. Караджале.

В упомянутой статье «Славянского обозрения» Г. Самуриан писал: «...в комедии Караджале «Напасть» бичуются пороки так называемого среднего сословия — купцов, мещан — в румынских городах, причем эта комедия, во многом напоминающая драматические произведения знаменитого русского драматурга Островского, тоже изображающего купе-

ческий быт, стоит в румынской современной, особенно драматической, литературе на такой же высоте, как и прежние комедии Караджале «Бурная ночь» и «Потерянное письмо»⁸.

В борьбе, которую вела прогрессивная румынская критика, связанная с журналом «Контемпоранул» и другими передовыми изданиями, за гражданственность искусства, русская классическая литература и творчество Островского, в частности, воспринимались как высокий образец.

2

Как литературный критик, Геря боролся и за высокое качество художественного перевода, посвятив этому вопросу три статьи: «Переводы и литературный язык», «Трудности перевода» и «Что нужно переводить»⁹. Ратуя за перевод на румынский язык лучших произведений мировой литературы, он указывал: «Само собой разумеется, я говорю о настоящих, художественных переводах, которые останутся как художественные произведения в нашей литературе»¹⁰. Геря считал ошибочным мнение о том, что переводчику достаточно хорошо знать оба языка. Переводчик должен глубоко понять идею и художественное богатство переводимого произведения, «переводчик должен быть художником»¹¹.

Насколько велика слава Гери как критика, настолько он мало известен как переводчик. В 1883 г. он переводит «Накануне» Тургенева. Предполагают, что ему принадлежит также перевод раннего рассказа Короленко «Старый звонарь», появившийся в бухарестской газете «Телеграфул» 20—21 мая 1889 г.¹²

Перевод «Грозы», осуществленный Герей, заслуживает подробного анализа. Рассматривая этот перевод, необходимо учесть все трудности, с которыми столкнулся Геря в своей работе. Прежде всего румынский язык не был его родным языком, и все тонкости последнего он мог познать лишь постепенно.

Перефразируя выражение Фридриха Энгельса «сильный немецкий язык нужно передавать сильным английским языком»¹³, можно сказать, что сильный русский язык нужно было передать сильным румынским языком. Словарный состав, грамматический строй и структура этих языков различны.

Невозможно было идти по пути дословного перевода. Нужно было искать соответствующие синонимы, завоевавшие право гражданства именно в румынском языке, надо было «...отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе»¹⁴ (порочность буквального перевода теперь, кажется, общепризнанна).

Ценность первого перевода «Грозы» заключалась прежде всего в том, что это был перевод с русского оригинала, осуществленный хорошим знатоком этого языка.

Совершенно естественно, что у Доброджану-Гери, крупного пропагандиста марксизма в Румынии, на первом плане — социальная трактовка пьесы, бытовая отступает на второй план, а музейно-этнографическая вообще отсутствует. «Гроза» в переводе Гери оставалась глубоко идейной, современной реалистической пьесой, насыщенной острыми социальными конфликтами, богатой типическими образами.

Перевод в основном сохранил глубокий драматизм пьесы, крупные и цельные характеры персонажей, большие человеческие страсти. Это значит, что была сохранена речевая характеристика героев, было верно раскрыто их восприятие внешнего мира.

Если у переводчика и возникали некоторые трудности, то прежде всего в переводе необычных слов и устойчивых фразеологических сочетаний, к которым нередко прибегал Островский.

В переводе Гери много удачных мест, доказывающих, что у него было тонкое чувство языка, художественная восприимчивость, способность к стилизации. Примером могут служить удачно переведенные идиоматические и образные выражения. Некоторые из них переведены точно, так как они могут легко восприниматься румынским читателем и от перевода ничего не теряют:

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» (д. I, явл. 3).

«На нее-то глядя, сердце рвется» (д. V, явл. 1).

«Старый человек на ветер слова не скажет» (д. IV, явл. 5).

«...ласка-то его мне хуже побоев» (д. V, явл. 3).

В некоторых случаях переводчик подбирает выражения, буквально не передающие русский текст, но близкие к нему по смыслу и характерные для румынского языка:

«Он бы шелковый сделался» (д. I, явл. 1. Буквально передано: «Он сделался бы, как хороший хлеб»). Кудряш, в уста которого Островский вложил это выражение, — приказчик. Для него понятие о хорошем качестве связано с шелком. Для простого человека аграрной Румынии понятие о хорошем теснее связано с хлебом.

«Смотри ж, помни. На носу себе заруби!» (д. II, явл. 3. Буквально передано: «На лбу себе заруби»). Это выражение принято употреблять в румынском языке. В немецком — под ушами.

«Дальние проводы — лишние слезы» (д. II, явл. 5. Буквально передано: «Длинные разговоры — бедность человека»). Это часто употребляемая в румынском языке поговорка, близкая по смыслу к русской.

«Вас куда бог несет?» (д. III, сц. 2, явл. 2. Буквально передано: «Вас куда ветер несет?»).

«У меня все одно, что умерло» (д. II, сц. 2, явл. 2. Буквально передано: «Из меня и клещами никто слова не вытащит»).

«Она просто сама не своя сделалась» (д. IV, явл. 3. Буквально передано: «Она на человека не похожа»).

«Вот мне теперь гораздо легче сделалось; что гора с плеч свалилась» (д. V, явл. 3. Буквально передано: «Теперь мне легче сделалось, точно гора с груди свалилась»).

Примеры удачно переведенных фраз можно было бы продолжить.

Есть, однако, в переводе Гери такие места, в которых отдана дань существовавшей тогда манере перевода, мало считавшейся со стилем автора.

Так, Дикого в афише, 1 и 2 явления I действия, вместо Савел Прокофьевич, зовут Павел Прокофьевич. Пропущены некоторые ремарки: Катерина (*одна*, задумчиво) (д. II, явл. 8). Автор в афише пишет о Диком: «купец, значительное *лицо* в городе». Переводчик передает это: «значительный *купец* в городе». Кулигина автор характеризует: «часовщик-самоучка», переводчик — просто: «часовщик». В 5 явлении I действия слова Тихона приписаны Кабановой. Цитаты из Ломоносова и Державина иногда даются без кавычек.

Имеются случаи снижения экспрессивности текста, особенно это касается народной фразеологии. Некоторые характерные для этой пьесы народные слова и выражения переводчик передает нейтральными словами и оборотами, а некоторые просто пропускает. Отметим, что все это было в то время обычным явлением.

К у л и г и н: Пригляделись вы либо не понимаете, какая красота в природе *разлита* (д. I, явл. 1. В переводе: «Пресытились вы красотой или не понимаете ее»).

К у д р я ш — Кулигину: Ты у нас *антик*, *химик* (там же. В переводе: «Ты философ!»).

Иногда искажение или пропуск какого-либо слова снижают социальную заостренность выражения:

К у д р я ш: Нет, уж я перед ним *рабствовать* не стану (там же. В переводе: «Нет, я ему не покорюсь»).

К у л и г и н: А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды *даровые* больше денег наживать (д. I, явл. 3. В переводе слово «даровые» пропущено).

Изредка можно столкнуться и с искажением смысла некоторых выражений:

«Люблю разговор *рассыпать*» передано: «люблю говорить» (д. I, явл. 3).

Характерное для Феклуши слово «бла-алешие» передано просто словом «красиво».

Чтобы подчеркнуть разницу между самоучкой Кулигиным и образованным Борисом, Островский заставляет первого произносить «перпету-мобиль», а второго «перпетуум мобиле». В переводе они оба произносят это слово одинаково правильно.

«Схожу на *ключик*» (д. I, явл. 7. Передано «к колодцу»).

Это до некоторой степени ослабляет силу выражения оригинала.

Ф е к л у ш а: ...Сладко поесть люблю. Ну так что ж! По немощи мой господь *посылает* (д. II, явл. 1. В переводе: «По немощи моей меня господь наказывает») и т. д.

Сказанное не относится к таким выражениям, которые передать по-румынски просто невозможно: нешто, пушай, учтивость, небось, надоть, впусе, ребята, вороги.

Из краткого разбора мы видим, что в большинстве случаев переводчик, оставаясь в рамках и пропорциях оригинала, избегая буквального перевода, придал пьесе местный румынский колорит. И он добился успеха. В тех редких случаях, когда проявлялась небрежность, исчезала красота оригинала, терялась величественная фигура автора.

Несмотря на некоторые недостатки, этот перевод остается важным событием историко-литературного значения.

После опубликования в журнале перевод «Грозы» вышел отдельным изданием в издательстве «Facla» («Факел»).

В переводе Гери пьеса успешно шла на сцене Ясского национального театра.

Других публикаций пьес Островского в старой Румынии не было.

3

В культурном строительстве социалистической Румынии драматургическое наследие Островского заняло высокое и достойное место. Широкие народные массы Румынии начали по-настоящему знакомиться с пьесами Островского только после 23 августа 1944 г.

В послевоенной Румынии были изданы сборники драматургических произведений Островского и целый ряд отдельных пьес. Переводы были осуществлены опытными литераторами: поэтом и драматургом Раду Боуряну, критиком Александру Филипиде, писательницами Валерией и Профирой Садовяну.

В 1953 г. В. и П. Садовяну вновь перевели «Грозу». Они стремились не исправлять Герю (переводы во многом совпадают), а лишь отразить изменения, происшедшие в румынском языке более чем за шестьдесят лет.

Появились переводы и других пьес. Переводчики стремились к правильному, современному прочтению каждой из них, и все же передать все богатство языка Островского не всегда удавалось. Для примера приведем два фрагмента из пьес «Лес» и «Не все коту масленица».

У Островского Несчастливцев и Счастливец названы «пешими путешественниками», в переводе — «бродячими актерами». У Островского Гур-

мыжская названа «богатой помещицей», в переводе — «богатой собственницей».

Оригинал

А к с ю ш а: Продала
Раиса Павловна лес!

К а р п: Все продаем-с, а
чего ради!

К а р п: Надо полагать-с.
Мудрено сотворено.

Перевод

А к с ю ш а: Опять прода-
ла Раиса Павловна лес!

К а р п: Продаем, прода-
ем, а чего ради — бог
знает.

К а р п: Так оно и долж-
но быть. Хорошо задумано.

(«Лес», д. I, явл. 1)

Такие же отступления, ведущие к сглаживанию и некоторой нивелировке языка оригинала, мы находим и во второй упоминаемой пьесе

Оригинал

А г н и я: Погода-то! Да-
же удивительно! А мы
сидим. Хоть бы погулять
куда, что ли.

К р у г л о в а: А вот по-
годи, дай срок, сосну
полчасика, пожалуй, по-
гуляем.

А г н и я: Кавалеров-то у
нас один, другой — обчел-
ся, гулять-то не с кем.

К р у г л о в а: А кто ви-
новат? Не мне же ло-
вить для тебя кавалеров!
Сети по улицам не рас-
ставить ли!

Ce vreme! O frumusețe!
Si noi stăm în casă. Ce
bine ar fi sa mergem un-
deva la plimbare.

Așteaptă lasă-mă să dorm
măcar o jumătate de ceas
și pe urmă ne-om plimba.

D-apoi n-avem cu cine,
unde-s cavalerii?

Cine ții de vină? Doar
n-am să-ți vânez eu cava-
leri. Nu cumva am să
umbli cu arcanul pe uli-
ți?

Перевод

А г н и я: Какая погода!
Красота! А мы сидим в
доме. Как хорошо бы
пойти куда-нибудь погу-
лять.

К р у г л о в а: Подожди,
дай мне поспать хотя бы
полчаса, потом погуляем.

А г н и я: Да ведь и не с
кем, где кавалеры-то?

К р у г л о в а: Кто тебе
виноват? Не буду же я
охотиться за кавалера-
ми? Не ловить же мне
их арканом на улице.

(«Не все коту масленица», д. I, явл. 1)

Конечно, речь идет о приблизительном переводе, а не о грубых искажениях (что часто случалось в старой Румынии, когда переводы шли через какой-либо третий язык). Послевоенные румынские переводы Островского были в основном удачными, хотя им, может быть, кое-где и не хватало достаточно бережного отношения к своеобразию и красоте речи великого драматурга.

Следует отметить, что румынские литературоведы не обходят проблемы перевода произведений Островского. Так, А. Закордонец¹⁵ ставит интересный вопрос о переводе пословиц — названий пьес Островского: «Пословицы, которыми Островский озаглавил ряд своих комедий, поднимают проблему перевода, которая не может быть легко решена. Лучшее ее решение состоит в том, чтобы найти в румынском языке тождественную или хотя бы равноценную пословицу. Например, Nu-i totdeauna praznic (буквально: «Не всегда праздник»), которая полностью соответствует «Не все коту масленица».

Автор осуждает переводчика книги К. Н. Державина «Островский-драматург» за буквальный, искажающий смысл перевод названий-пословиц: «Свои люди — сочтемся», «В чужом пиру похмелье» и др.

Румынская литературная общественность подходит со всей серьезностью к проблеме издания и перевода драматургических произведений Островского.

4

Особенно много статей, посвященных великому русскому драматургу, было в юбилейные дни (апрель 1953 г.). Кроме того, печатались отзывы о переводах пьес, театральные рецензии.

Высокая оценка творчества Островского дана в юбилейной редакционной статье газеты «Скынтейя»:

«В мировой литературе XIX в. Островский — исключительная, монументальная фигура. Его богатое творчество — около 50 пьес — сохранило всю свежесть и ценность до наших дней.

Как на своей родине, так и во всех странах народной демократии пьесы Островского пользуются большим успехом у зрителя. Они стали достоянием широких масс»¹⁶.

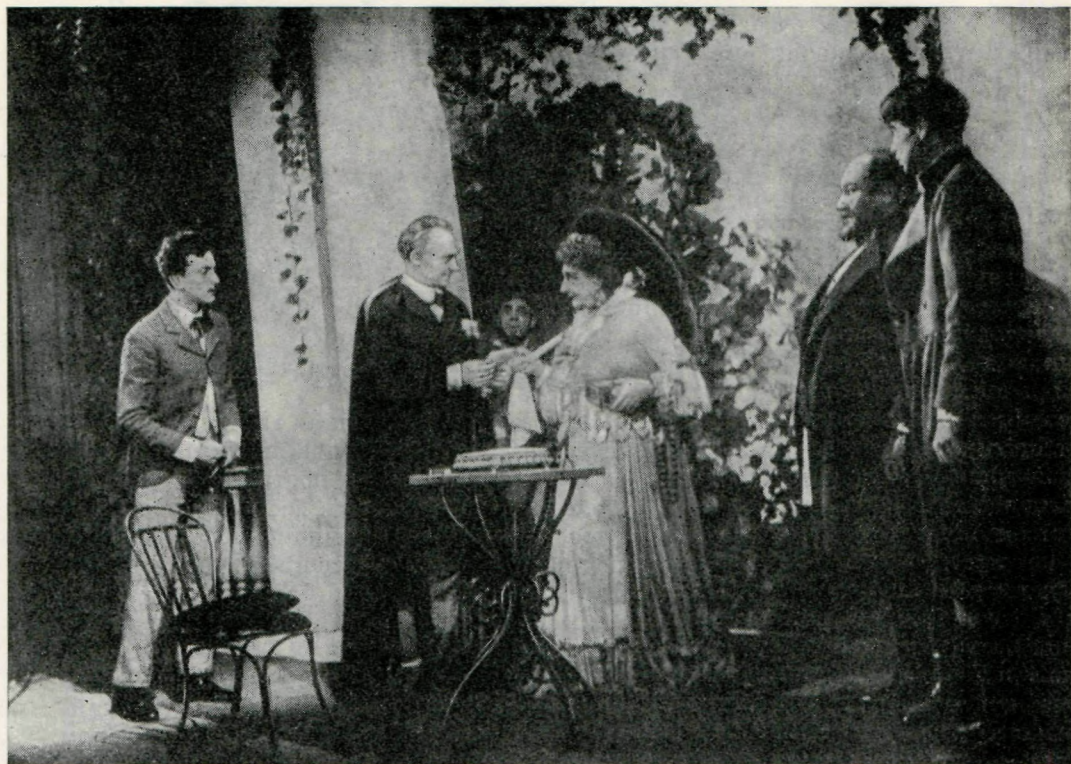
В творческом портрете великого русского драматурга, данном в румынской энциклопедии, в частности, говорится: «В его комедиях содержится целая галерея типических образов, выхваченных из водоворота жизни с острым чувством наблюдательности.

Создатель нового национального репертуара, Островский вывел на сцену жестокую правду, прогрессивные и демократические тенденции эпохи, дух народности и патриотизма»¹⁷.

Румынский писатель Ион Марин Садовяну подчеркивает в своей статье многогранность творчества Островского: «Александр Николаевич Островский был несомненно крупнейшим представителем русской классической литературы и культуры <...> Все профессии, все социальные слои, обреченные силой экономических законов, преобразовывавших Россию, на возвышение или падение, получили свое отражение в творчестве Островского»¹⁸.

В рецензии на первый сборник пьес Островского, вышедший в 1950 г., литературовед М. Букур писал: «Конечно, драматический конфликт Островского не может быть положен в основу современной драмы в странах, где был уничтожен капитализм. Уничтожив эксплуатацию человека человеком, они создали и создают новый, высший тип отношений между личностью и обществом. Но несмотря на это, в эпоху строительства социализма и коммунизма, Островский — один из самых любимых классиков...»¹⁹ «Народный характер творчества Островского, оптимизм и вера в светлое будущее России... — писал румынский исследователь Ф. Калояну, — сделали Островского дорогим писателем для всех, кто любит искусство и справедливость»²⁰. Известный румынский специалист по русской литературе Тамара Гане говорит: «Разоблачая с огромной силой мир террора, беззакония и произвола, Островский бичевал оружием сатиры темное царство капитала, которое топчет ногами человеческое достоинство и под маской свободы узаконивает бесчеловечные отношения материальной и моральной зависимости от имущих, от эксплуататоров. <...> Реалистически обрисовывая с присущим ему талантом поразительные контрасты русской жизни своего времени, великий драматург создал разнообразные картины, полные глубокого социального содержания»²¹.

Публикуя юбилейные материалы о творчестве великого русского драматурга, румынские газеты старались разъяснить читателю многогранность, величие и мировое значение творчества Островского, познавательную и воспитательную роль его драматургии в наши дни. Газета «Ромыния либерэ»: «Острым взглядом пронизательного наблюдателя, вдохновляемый любовью к народу и высоким идеалом служения народу, Островский сумел показать, как рушатся основы строя, обреченного на неминуемую гибель»²². Газета «Скынтейя тинеретулуй»: «Созданные им образы являются мощным художественным обобщением специфических черт буржуазного общества того времени <...> Сила реализма Островского состоит

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ЛЕС»
(В РОЛИ ГУРМЫЖСКОЙ ЛУЧИЯ СТУРЦЗА-БУЛАНДРА)

Муниципальный театр, Бухарест, 1951—1952 гг.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

в том, что созданные им герои <...> выражают сущность определенных социальных сил, среды и времени и являются людьми с ярко выраженной многосторонней индивидуальностью <...> С большой сатирической силой Островский разоблачил в своем творчестве пороки всего буржуазно-помещичьего мира, основанного на грабеже и угнетении; его пьесы стали настоящим «учебником жизни», призванным воспитывать простых людей <...> Творчество Островского — значительный вклад в золотой фонд мировой драматургии»²³. Журнал «Тынэрул ленинист»: «Ничто в жизни России не проходило мимо взгляда Островского. Его творчество имеет энциклопедический характер. Величественна сила его искусства, ибо чувства, которые оно у нас вызывает, преследуют нас долго и заставляют размышлять, страстно любить и ненавидеть»²⁴.

Газета «Вяца капиталей»: «Только на основе тесной связи с народом Островский сумел достичь самых высоких вершин искусства, создать произведения, любимые массами <...> Его пьесы пользуются сегодня горячей симпатией в странах народной демократии, где их постановка является особой честью для каждого театра»²⁵.

Несомненный интерес представляют отзывы румынской критики об отдельных пьесах Островского. В них звучит искреннее стремление понять глубокий социальный смысл произведений великого русского драматурга, показать значение той или иной пьесы, ее современное звучание, замечательное художественное мастерство писателя.

Упомянутый уже Ион Марин Садовяну писал о «Грозе»: «Пьеса является сильнейшим выступлением в защиту человека вообще и женщины в частности»²⁶.

Провинциальный журнал «Скрисул бэнэциан» помещает в рубрике «Заметки зрителя» отзыв о «Бесприданнице», в котором говорится: «Центральная идея пьесы — контраст между стремлением бедной девушки к человеческой жизни и отсталыми взглядами буржуазного общества, где на женщину смотрят как на товар»²⁷.

Контраст между личностью и обществом подчеркивал и журнал «Счена ши экранул» в рецензии на постановку пьесы «Поздняя любовь»: «Созданная в пору полной творческой зрелости автора, «Поздняя любовь» — это драма простого человека, достойного, охваченного чистыми чувствами, но живущего в обществе, подтачиваемом подлостью, немощью и мелкими амбициями»²⁸.

В совершенно ином аспекте рассматривает столичная газета пьесу «Без вины виноватые». Она подчеркивает ее познавательное значение для румынского зрителя: «Только «Без вины виноватые» в постановке Рабочего железнодорожного театра шли более 200 раз, охватив десятки тысяч зрителей. Спектакль значительно способствовал неуклонному подъему культурного уровня зрителя, обогащению его знаний о жизни, о борьбе между новым и старым в условиях развития капитализма в царской России»²⁹.

Живо откликается румынская критика на издание исторических пьес Островского. Вот слова рецензента Константина Сырбу о пьесе «Козьма Захарыч Минин, Сухорук»: «Это произведение еще незнакомо румынской публике, вместе с пьесой «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» оно принадлежит к произведениям на исторические темы — о тяжелом периоде в жизни России, так называемом «смутном времени». Народный характер, оптимизм, вера в светлое будущее России придали этой пьесе необходимую силу, чтобы выдержать испытание временем. Стихотворный перевод Раду Боуряну дает читателю возможность познать именно то, что хотел передать Островский»³⁰.

Критик М. Георгиаде о пьесе «Воевода, или Сон на Волге» писал следующее: «Сон на Волге» читается как поэма. Нередки стихи, перед которыми благоговеешь, очарованный излучаемой ими свежестью»³¹. Автор считает, что издание этой пьесы — «высокая дань уважения выдающемуся русскому драматургу».

В «Снегурочке» критика отмечала слияние правды и сказки:

«Пьеса воспеваает красоту борьбы, утверждает непрерывность жизни и, несмотря на исчезновение Снегурочки, провозглашает идею торжества больших человеческих чувств, даже если они достигнуты ценой самопожертвования (...) Пок азательно, что автор, владеющий мастерством современного писателя-реалиста, сумел ввести в сцену этой феерической сказки художественные образы и персонажи, полные жизненной правды, реальных человеческих чувств и переживаний»³².

Приведенные высказывания свидетельствуют об искреннем стремлении румынских критиков и историков литературы дать глубокий анализ многогранного творчества великого русского драматурга.

5

Первая постановка пьесы Островского на румынской сцене связана с именем известной ясской актрисы Аглаи Прутяну. Специально для нее русский консул в Яссах Де Гирс перевел «Дикарку». Пьеса появилась на сцене Ясского Национального театра под названием «Лесной цветок». Премьера состоялась 1 марта 1898 г.

Видный румынский актер Петре Стурдза, исполнявший роль Апметьева, вспоминает: «Постановка пьесы была осуществлена переводчиком, который, будучи по профессии дипломатом, обладал тонкой артистической душой. Супруга его была хорошей певицей и замечательной пианисткой, а он виртуозно играл на виолончели. Еженедельно у них в здании консульства собирались преподаватели консерватории и несколько любителей и исполняли камерную музыку. Супруги часто бывали в румынском театре, выделили среди актеров Аглаю Прутяну, для нее решено было перевести пьесу, в которой она должна была исполнять главную роль. Им не пришлось раскаяться, ибо, если исполнение других ролей было более или менее удачным, в большей или меньшей степени соответствовало художественному уровню пьесы, Прутяну своим талантом покрывала все недостатки, которые, впрочем, были естественны: атмосфера и характеры пьесы были нам чужды. Пьеса пользовалась большим успехом...»³³

Думается, что в этих воспоминаниях есть один сугубо противоречивый и субъективный момент. С одной стороны, Стурдза говорит о том, что пьеса была чужда актерам, а с другой — отмечает, что спектакль пользовался большим успехом. А успех-то как раз объяснялся тем, что зрители видели на сцене ситуации, вполне сходные с житейскими³⁴.

Сама Аглая Прутяну в своих воспоминаниях подчеркивает, что артисты легко поняли «Дикарку», и каждый из них четко увидел в воплощаемом герое отпечаток соответствующего общественного класса.

Кстати, тот же Стурдза дает характеристику образа, воплощенного им на сцене, которая отнюдь не свидетельствует о том, что актер не понял своего героя: «Я играл русского помещика лет пятидесяти, несколько утомленного и морально пресыщенного. Вернувшись из-за границы, где он проводил почти все время, в собственное имение, он встречает здесь дочь своего управляющего, существо резвое, первобытное, наивное и дикое; он влюбляется в нее, с ума по ней сходит, отсюда возникает ряд сцен, одна забавнее другой»³⁵.

Стурдза хорошо исполнила свою роль, как, впрочем, и другие актеры. Аглая Прутяну вспоминала: «А потом Апметьев — Стурдза, который так хорошо играл барина, дворянина с его изящными, утонченными манерами парижанина (...) Алена Джорджеску в роли няни, такая правдивая и естественная (...) А отец, Кирилл Максимович — КонстантINESКУ. Он был идеальным, чудесным, так замечательно подходил к характеру этой роли здорового, сильного, простого и добродушного человека, такого же веселого и наивного, как и его дочь. Госпожа Кузинская в роли Марьи Петровны, жены Апметьева, дородной обходительной хозяйки, в совершенстве передавала все тонкости роли. И, наконец, замечательный ансамбль (...) Вот почему мне так полюбилась моя Варя»³⁶.

Итак, «Дикарка» прошла на румынской сцене удачно, покорила актеров и понравилась публике. Касаясь этой постановки, одна из газет отмечала в театральном обозрении: «Великие русские писатели всегда творили для того, чтобы учить, разоблачать, бичевать»³⁷.

30 октября 1903 г. на сцене Ясского Национального театра состоялась премьера «Грозы» в переводе К. Доброджану-Гери. Роль Катерины исполняла Аглая Прутяну, исполняла, как всегда, талантливо, о чем свидетельствуют отзывы прессы того времени. Тихона играл известный ясский актер и деятель культуры Стате Драгомир.

Как уже отмечалось, после установления в Румынии народной власти пьесы Островского заняли достойное место в репертуаре румынских театров. В статье «Классики не хотят стареть» критик Андрей Беляну, подчеркивая роль классической драматургии в воспитании современного зрителя, пишет: «Мы видим много личного, своего в той жажде свободы

Прометея, которую описал Эсхил, верим, как и Фауст, в познавательные способности человека, в его умение завоевать свое счастье, ненавидим «темное царство» так же, как Катерина Островского»³⁸.

Но прежде чем прийти к зрителю, произведения русского драматурга становились достоянием актеров, были определенным этапом на их пути, играли соответствующую роль в их творческой судьбе. Мария Филотти, известный в стране мастер сцены, первая румынская актриса, посетившая СССР в 1934 г. и выразившая восхищение достижениями советского театра, играла в пьесе Островского в 1946 г. Она вспоминает: «Следующая пьеса стала высшей ступенью в создании нашего репертуара. Этот сезон мы заканчивали спектаклем, посвященным великому русскому писателю Александру Островскому. Арлюс <общество румыно-советской дружбы. — Г. К. > оказал нам большую помощь материалами, предоставив в наше распоряжение целый ряд рисунков, связанных с различными постановками пьес Островского в СССР. Это подало нам мысль организовать в фойе по случаю премьеры небольшую выставку, посвященную Островскому. Из обширного творчества отца русского театра — в свое время мне очень хотелось сыграть в «Грозе» на сцене Национального — мы выбрали «Бешеные деньги», ибо они предоставляли нам возможность для достойного распределения ролей: в этой пьесе меньше действующих лиц, чем в большинстве пьес Островского <...> Михай Попеску замечательно исполнил роль Саввы Геннадьевича Василькова, раскрыв в этом исполнении свою несравненную сценическую интеллектуальность. Эльвира Годяну в роли Лидии Юрьевны была ему равным партнером, а я в роли Надежды Чебоксаровой вместе с Бульфинским, Соряну и Ману в ролях Глумова, Кучумова и Телятьева — этих трех смешных влюбленных — вторили им с удовольствием, зная, что мы служим воплощению гениального произведения. Декорации Т. Кириякова выразительно подчеркивали тонкий режиссерский замысел молодого Дину Неграну. Постоянным движением персонажей по кругу режиссура выражала их ограниченный жизненный круг, а декорации, где все — окна, занавески, комнатные растения — было рисованным, подчеркивали искусственность образа жизни действующих лиц, искусственность их чувств»³⁹.

Прекрасная румынская актриса, чьим именем назван один из крупнейших театров Бухареста, Лучия Стурдза-Буландра прямо заявляла: «Мы, артисты, которые, будучи пожилыми людьми, еще играем на сцене, вполне отчетливо понимаем, как много дали для нашего роста произведения таких писателей, как Островский, Чехов, Горький»⁴⁰. Актриса вполне самокритично признает, что, несмотря на огромный сценический опыт, Островский давался ей нелегко: «Я не отрекаюсь от своей прошлой работы и достижений. Ничто не строится на песке <...> Тем не менее не могу не видеть того, что бросается в глаза, не понимать того, что стало таким ясным, очевидным. Например, несколько лет назад я обошла пьесу «Волки и овцы» Островского. Я не могла согласиться исполнять роль помещицы в пьесе этого великого классика: персонаж казался мне слишком чудовищным. Мне так казалось, ибо я не понимала глубины критической мысли автора. Теперь я играю Гурмыжскую в «Лесе» того же автора и добиваюсь большого успеха в этой роли именно потому, что после больших усилий мне удалось подняться до того критического уровня, к которому стремился Островский. Это было нелегко. Я вспоминаю, как на репетициях «Леса» я робела, не решаясь показать Гурмыжскую во всей полноте ее отрицательного характера, обнаружить всю алчность старой помещицы, всю суровость по отношению к молодой племяннице, сорвать маску добропорядочности, под которой она прячет свои пороки. В конце концов я преодолела сдержанность — корни ее были в некоторых предрассудках — и «вошла в плоть» персонажа, такого, каким его видел и задумал автор»⁴¹.

Румынский критик Эмма Бенюк подчеркивает, что «такие пьесы, как «Бешеные деньги», «Без вины виноватые», «Волки и овцы», «Лес», дали театрам возможность создавать ценные реалистические спектакли, а актерам — возможность совершенствовать свое мастерство»⁴². В подтверждение этого высказывания можно привести тот факт, что многие исполнители «Леса» в Бухарестском городском театре были удостоены Государственной премии.

Даже краткий перечень постановок пьес Островского на сценах румынских театров в первые годы народной власти свидетельствует о его большой популярности в Социалистической Республике Румынии:

«Без вины виноватые»	Национальный театр им. Караджале, Бухарест, сезон, 1946—1947 гг.
«Бедность не порок»	Рабочий железнодорожный театр, Бухарест, сезон 1946—1947 гг.
«Горячее сердце»	Там же, сезон 1948—1949 гг.
«Без вины виноватые»	Рабочий железнодорожный театр, Бухарест, сезон 1950—1951 гг.
«Лес»	Городской театр, Бухарест, сезон 1951—1952 гг.
«Бесприданница»	Национальный театр им. Караджале, Бухарест, сезон 1953—1954 гг.
«Доходное место»	Там же, сезон 1958—1959 гг.
«Поздняя любовь»	Государственный театр, г. Турда, сезон 1958—1959 гг.
«Бесприданница»	Государственный театр, г. Решица, сезон 1958—1959 гг.

«Островский и отрицательный мир» — так назвал румынский драматург Михня Георгиу рецензию на спектакль «Доходное место» в Национальном театре им. Караджале⁴³. Рецензент отмечает отрядный факт культурного обмена: на московской сцене идет пьеса Караджале, на бухарестской — пьеса Островского.

Резко осуждая внесение формалистических элементов в постановку, Георгиу указывает, что благодаря важной теме и силе текста пьесы спектакль был хорошо принят публикой.

Серьезное внимание уделяют сценическому воплощению произведений Островского историки румынского театра. Так, в первой монографии Института истории искусств Академии РНР, посвященной послевоенному румынскому театру, о спектакле «Бесприданница» говорится: «Бесприданница» Островского, поставленная советским режиссером В. В. Васильевым в 1953 г. в Национальном театре, утвердила реалистические принципы, окончательно укрепившиеся в коллективе первой сцены страны...»⁴⁴

Подобные отзывы о спектаклях по пьесам Островского можно найти и в других книгах и статьях.

Творчество великого русского драматурга множит славу русского народа и содействует укреплению культурных связей между румынским и советским народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A. O d o b e s c u. Pseudokyneghetics. Buc., 1947, p. 46.

² G. S p i n a. Teatrul rusesc.—«Opinia», 29 octombrie 1929, p. 1.

³ «Contemporanul» (Iasi), 1889.— Пьеса печаталась в трех номерах журнала: № 1 (январь — февраль), стр. 1—48; № 2 (июнь), стр. 97—120 и № 3 (июль — август), стр. 193—221. Этот перевод не учтен советскими исследователями. А. И. Ревякин датирует первый румынский перевод «Грозы» 1953 годом (А. Р е в я к и н. «Гроза» А. Н. Островского. Учпедгиз, 1955, стр. 235).

- ⁴ P. Constantinescu-Iași. Din relațiile româno-ruse de-a lungul veacurilor. Academia R.P.R., Studii și conferințe, 1957, p. 11.
- ⁵ «История Румынии (1848—1917)». М., «Наука», 1971, стр. 597—598.
- ⁶ Г. Самурян. Обзор важнейших сочинений по румынской истории и литературе.—«Славянское обозрение». СПб., 1894, стр. 496.
- ⁷ Это уже второй случай, когда пишущий об Островском опасался по цензурным соображениям называть свою фамилию. Начало XX века — время наступления румынской реакции на демократическую культуру. Пропаганда русской литературы в этих условиях была связана с большими трудностями. Известно, например, что Министерство просвещения уволило с работы директора Ясского театра Михаила Садовяну (впоследствии писатель—академик СРР) за то, что еще до 1905 г. на сцене этого театра ставились «На дне» Горького, пьесы Островского, Толстого.
- ⁸ Г. Самурян. Обзор важнейших сочинений по румынской истории и литературе, стр. 505.
- ⁹ C. Dobrogeanu-Gherea. Traducerile și limba literară. Greutățile traducerii. Ce trebuie să traducem. Studii critice, v. I. E.S.P.L.A. Buc., p. 334—338, 338—341, 341—345.
- ¹⁰ Там же, стр. 337.
- ¹¹ Там же, стр. 340.
- ¹² «Об издании произведений В. Г. Короленко в Румынии и Молдавии». — «Днестр» (Кишинев), 1958, № 7, стр. 157.
- ¹³ Ф. Энгельс. Как не следует переводить Маркса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 16, стр. 230.
- ¹⁴ Н. В. Гоголь. Письмо М. А. Максимовичу 20 апреля 1834 г. — Полн. собр. соч., т. X. М., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 311.
- ¹⁵ A. Zăscoreneț. A. Ostrovski. — «Iașul literar», 1956, № 9, p. 74—90.
- ¹⁶ «Scinteia», 12 aprilie 1953, p. 3.
- ¹⁷ Dicționar enciclopedic român, vol. III, ed. politică. Buc., 1965, p. 622.
- ¹⁸ Ion Marin Sadoveanu. A. Ostrovski. — «Veac nou», 8 iunie 1956, p. 2.
- ¹⁹ M. Bucur. A. Ostrovski. Teatru. — «Viața românească», 1950, № 6, p. 256.
- ²⁰ Fl. Caloianu. A. N. Ostrovski. — «Literatura clasică rusă. Indice bibliografice». Buc., 1956, p. 181.
- ²¹ Tamara Gane. Prefață la «Fata de zăpadă» de A. N. Ostrovski. Buc., 1954, p. 5—6.
- ²² «România liberă», 12 aprilie 1953, p. 2.
- ²³ «Scinteia tineretului», 12 aprilie 1953, p. 2.
- ²⁴ «Tânărul leninist», 1956, № 5, p. 64.
- ²⁵ «Viața capitalei», 14 aprilie 1953, p. 2.
- ²⁶ «Veac nou», 8 iunie 1956, p. 2.
- ²⁷ «Scrisul bănățean», 1956, № 4, p. 93.
- ²⁸ «Scena și ecranul», 1956, № 3, p. 6.
- ²⁹ «Viața capitalei», 14 aprilie 1953, p. 2.
- ³⁰ C. Sîrbu. «Kozma Zaharic Minin, Suhoruk» de A. N. Ostrovski. — «România liberă», 20 octombrie 1956.
- ³¹ M. Gheorghia de. Voievodul. — «Steaua», 1958, № 8, p. 84—85.
- ³² Tamara Gane. Prefața la piesa «Fata de zăpadă» de A. N. Ostrovski. Buc., 1954, p. 9, 11.
- ³³ Petre Sturdza. Amintiri. 40 de ani de teatru. Buc., 1966, p. 151.
- ³⁴ Этот момент отмечен и в диссертации Иланы Берлоджи «Русская драматургия на румынской сцене» (М., 1964).
- ³⁵ P. Sturdza. Amintiri, p. 152.
- ³⁶ Aglae Pruteanu. Amintiri teatrale. Iași, p. 154—155. — Цит. по диссертации И. Берлоджи «Русская драматургия на румынской сцене», стр. 50—51.
- ³⁷ «Opinia», 3 martie 1898, p. 2.
- ³⁸ «Teatrul românesc în contemporaneitate. Studii critice». Buc., 1964, p. 246.
- ³⁹ Maria Filotti. Am ales teatrul. Buc., 1961, p. 309—310.
- ⁴⁰ Lucia Sturdza-Bulandra. Amintiri... Amintiri... Buc., 1956, p. 149.
- ⁴¹ Там же, стр. 141—142.
- ⁴² Emma Beniuc. A. N. Ostrovski. — «Viața românească», 1953, № 4, p. 291.
- ⁴³ M. Gheorghiu. Ostrovski și lumea negativă. — «Contemporanul», 10 octombrie 1958, p. 5.
- ⁴⁴ «Teatrul în România după 23 august 1944». Academia R.P.R. Buc., 1959, p. 262